

КОЛОКОЛА НАШЕЙ ПАМЯТИ

ОБ ЭТОМ трудно рассказывать. Прошло ведь более пятидесяти лет... Но рассказать надо.

С тридцать шестого по тридцать восьмой годы в Коряжме жило много москвичей и ленинградцев, развертывалось строительство Котласского ЦБК. Многих из них репрессировали, в основном инженерно-технических работников и служащих. Из числа их помню Федорова, Левицкого, Булаву, потому что с их детьми я учился в одной школе, в одном классе.

С Володей Федоровым сидел за одной партией в 5-м классе. Пришел как-то Володя, когда уже шел второй урок, вызвал меня и сказал: «Ночью папу забрали, мы сегодня уезжаем с мамой и сестрой Майкой к бабушке». Отдал мне лыжи и коньки-«снегурочки». Больше я с Володей не встречался и не видел его. А вот с отцом его встретился в 1955 году, снова в Коряжме. Я тогда работал бухгалтером треста. После реабилитации и освобождения из лагеря отец Володи Федорова снова приехал на стройку, где некоторое время работал главным бухгалтером СМУ, а затем уехал к семье. Многие он рассказал мне о судьбе репрессированных в то время...

Левицкий после реабилитации тоже работал в тресте — в прежней должности начальника конторы материально-технического снабжения.

В 1969 году мне пришлось быть в приемной Минздрава РСФСР. Просматривая мои документы, сотрудник министерства, пожилая женщина с седыми волосами, внимательно посмотрев на меня, спросила: «Жива ли у вас в Коряжме кедровая роща?» А я, прежде чем ответить, спросил: «А вы доктор Булава?». Улыбнувшись, ответила: «Да, это я. Как вы узнали?».

Так я повстречался с матерью еще одного своего од-

ноклассника, Андрея Булавы, отец которого был репрессирован в Коряжме. Опустели в то время дома ИТР, и строительство ЦБК законсервировали до 1953 года. Часть высококвалифицированных строителей направили в Москву на строительство сельскохозяйственной выставки. А консервацию нашего строительства народу объяснили так: комбинат должен строиться в Шипицыне. Но все знали, что это не так. К тому же приближалась война...

Директором Коряжемской лесоперевалочной базы в 1954—1955 годах работал М. И. Болотин, который тоже был репрессирован в 1937 году. Он был восста-

охотно они рассказывали о годах, проведенных в лагерях по необоснованным обвинениям. Вот сейчас бы, наверное, рассказали со всеми подробностями...

И наши северные деревни, их жителей-крестьян волна репрессий в эти же годы не обошла стороной.

Причины репрессий были иногда просто абсурдные. Привез крестьянин краску из Котласса, покрасил фасад своего дома и за это поплатился свободой — был выслан из деревни. Крестьянин Федор Базлов был вроде коробейника, ходил по деревням, продавал иголки, нитки, пуговицы, гребешки и прочую

ким мотивам — не могу сказать. В деревне его прозвали «политик». Надела земли общество ему не дало, пришлось корчевать землю в лесу. Долгое время его земля называлась в народе «калугины заимки». И мне их показывала бабушка. Занимался прадед и пчеловодством. Тогда это было, необычно в деревне и вызвало удивление сельчан. Деда и отца прозывали «калуженками».

Эта необоснованная репрессия произошла еще при царском самодержавии. А вот моего деда по материнской линии Якова Титова репрессировали в сентябре 1937 года — как «кулацкого элемента». Так вот, у этого «кулака» семья состояла из десяти человек, и прокормить ее составляло большое труда — земельного надела не хватало. Поэтому дед занимался охотой, много столярничал, стеклил окна в соседних деревнях.

Так семья жила до организации колхоза. Сослан дед был на Север. Его сын Александр Яковлевич выбрал местом для жительства Ухту, куда сослан был его отец. Здесь ему удалось установить место, где тот был похоронен. В этом помогли ему органы МВД. Кстати сказать, сыновья у репрессированного «кулака», а их было трое, все стали коммунистами, не говоря уже о внуках.

Сейчас мы знаем, что дала народу сталинская эпоха — беспрецедентные по масштабам и характеру беззакония Мы были этому свидетелями. Хочется верить, что в стране будет создан памятник жертвам репрессий. Пусть он служит напоминанием о нашем трудном прошлом и суровым предостережением тем, кому не по душе демократические преобразования, происходящие в нашем обществе.

Б. ЕВДОКИМОВ.

пос. Вычегодский.

ПОМНИМ ИХ ПОИМЕННО

новлен в партии и получил при реабилитации денежную компенсацию. За какое время — не знаю. Но знаю, когда на предприятии были трудности с финансами, он в экстренных случаях свои деньги давал на оплату труда рабочих.

Среди реабилитированных после 1955 года, работавших в Коряжме, хорошо знал Ю. Н. Зорина. Впоследствии он работал управляющим трестом «Железобетон» в Архангельске. Помню Федора Кастевича — бывшего полковника, окончившего до войны академию им. Фрунзе. Был реабилитирован в 1956 году. Жить уехал в Москву. И. В. Сысоев работал главным бухгалтером лесособазы. Уехал в Москву, где работал в МПС. Не очень

мелочь. Был арестован и вместе с женой выслан. Впрочем, ему еще повезло — вернулся в деревню, но уже слепой.. Его дом сельсовет уже продал другому. И пришлось «купцу» Федору доживать свой век у родственников.

Был и такой случай. Уже шестидесятилетняя старушка. Ее в деревне звали Паньей, спела песенку: «При царе, при Николашке ела белы колобашки, а теперь исполком — мох-болотный все толкем». И загремела Панья на десять лет на Соловки, откуда не вернулась.

Прадед мой по отцовской линии Аким Евдокимов был выслан на Север царским правительством в ссылку из Калужской губернии. По ка-